

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Т.С.Молодчикова

Социалистическая революция в штате Юкатан и решение аграрного вопроса в 1910—1920-е годы

Аграрный вопрос был одной из центральных проблем Мексиканской революции 1910—1917 гг., и запрос на перераспределение земли и возврат земельных участков крестьянам индейского происхождения отражал представления о социальной справедливости. Штат Юкатан, расположенный на юго-востоке Мексики, представлял собой сложный в этносоциальном плане регион с крупными плантационными латифундиями. Тем не менее социальная напряженность не оформилась здесь в революционное движение, а революционные идеи были привнесены губернатором штата Сальвадором Альварадо Рубио (1915—1917 гг.). В данной статье рассматриваются основные векторы аграрной политики революционных правительств в Юкатане, отраженные, прежде всего, в законодательной деятельности губернаторов Сальвадора Альварадо Рубио и Фелипе Каррильо Пуэрто (1922—1924 гг.), а также реакция на нее индейских крестьян. В результате проведенного исследования удалось показать, что аграрная политика 1920-х годов в целом не затронула исторически сложившийся экономический уклад штата. Плантации хенекена не включались в категорию земель, подпадавших под перераспределение, прежние владельцы сохранили свое экономическое и политическое влияние, а производство хенекена до конца 1920-х годов оставалось основой хозяйственной деятельности большинства коренных жителей.

Ключевые слова: Мексиканская революция, аграрная реформа, индейское население Юкатана, асьенда.

DOI: 10.31857/S0044748X0020223-4

Статья поступила в редакцию 19.01.2022.

Татьяна Сергеевна Молодчикова — кандидат исторических наук, научный сотрудник Учебно-научного Мезоамериканского центра им. Ю.В. Кнорозова исторического факультета РГГУ (РФ, 125047 Москва, Миусская пл., 6, tatiana20emr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5573-0217>).

История аграрного вопроса в Мексике в историографии традиционно связывается с возникновением и развитием левых движений. Автором одной из первых классических работ на эту тему является американский исследователь Фрэнк Танненбаум [1]. Этот ученый стал родоначальником историографической линии, в рамках которой одна из главных ролей в Мексиканской революции (1910—1917 гг.) отводилась индейскому крестьянству, боровшемуся за возвращение утраченных земель [2; 3]. Приблизительно с середины 1980-х годов возникает ревизионистская историография, представители которой доказывали, что крестьянство не было главной движущей силой революции, а основной революционный импульс исходил от так называемого среднего класса и лидеров-революционеров [4; 5]. Дискуссионность темы поддержки индейским крестьянством революции и его участия в аграрном движении подогревается и региональными учеными, занимающимися изучением аграрного вопроса. [6; 7]. Работы последних лет показали, что применительно к Мексике правильнее говорить о «множестве революций», так как в различных регионах революционный процесс проходил по-разному [8]. Штат Юкатан, который ввиду своего географического положения находился в некоторой изоляции от остальной части Мексики, представляет собой уникальный объект для исследования различных политических и этносоциальных процессов начала XX в., до сих пор, увы, освещенных недостаточно. В данной статье в рамках методологии региональной истории будут рассмотрены особенности решения аграрного вопроса в штате Юкатан как части многоуровневой интеграционной политики мексиканского государства (федерального правительства по отношению к штату и юкатанских властей по отношению к индейскому населению).

Анализ аграрной политики в Юкатане в начале XX в. невозможен без учета особенностей экономической жизни юкатанского общества в предыдущий период. Во-первых, в середине XIX в. на полуострове происходит процесс приватизации земель индейских общин, ставший одной из главных причин Войны каст (1847—1901 гг.) [9, р. 55]. Во-вторых, к началу XX в. окончательно утверждается главная экспортная культура штата — хенекен* (*henequén*), из которого производили волокно для изготовления бумаги, веревок и мешков.

Повышение цен на волокно на мировом рынке повлекло за собой целый ряд структурных изменений в сельскохозяйственном производстве Юкатана. Если в 1862 г. площадь выращивания хенекена составляла всего 2 941 га, то в 1881 г. — уже 42 555 га, а к 1909 г. — 183 210 га [6, р. 102]. Хенекен фактически заместил в качестве главной посевной культуры региона кукурузу. В 1862 г. площадь выращивания кукурузы составляла 20 936 га, а к 1885 г. эта цифра сократилась до 8484 га [6, р. 103]. К началу XX в. культивирование кукурузы достигло критического минимума, и в многочисленных заметках и докладах того времени встречаются опасения по поводу вероятного продовольственного кризиса, вызванного резкой переориентацией сельского хозяйства на выращивание хенекена [10, р. 38].

* Хенекен (*Agave fourcroydes*) — вид травянистых растений из рода Агава семейства Агавовые. — Прим. ред.

К концу XIX в. потребность в производстве все большего количества волокна хенекена привела к серьезным социальным изменениям. Практически весь полуостров был покрыт сетью железных дорог, соединявших между собой асьенды, деревни и города. Кроме того, сельское население постепенно начало концентрироваться вокруг асьенд — производителей хенекена, — покидая привычные места обитания и превращаясь в дешевую рабочую силу. В то время как в 1862 г. значительная часть жителей Юкатана проживала в деревнях (38,4%), к 1910 г. этот показатель снизился до 17%. Асьенды, напротив, превратились в главные центры притяжения: в 1900 г. здесь проживало 38,1% населения [6, р. 115]. К 1910 г. лидирующее положение начали занимать города, где концентрировалось 36% населения, за ними следовали асьенды — 35% всех жителей Юкатана [6, р. 115].

Действительно, если животноводческая ферма не нуждалась в большом количестве рабочих рук, то для культивирования хенекена требовалось куда большее число работников. Зарождается такой феномен, как постоянный рабочий асьенды (*empleo permanente*) с полной ежедневной занятостью. Это не было характерно для асьенд первой половины XIX в. [11, р. 142]. Мексиканская исследовательница Инес Ортис Ям выделяет три группы работников латифундии в конце XIX в.: поденные работники (*jornaleros*), слуги (*sirvientes*), пеоны или зависимые крестьяне (*peones de campo y acasillados*) [6, р. 117].

Рабочие условия пеонов сильно варьировались в зависимости от размера асьенды. По описаниям немецкого агронома начала XX в. Карла Кайр-гера, на крупных асьендах пеоны находились в лучших условиях: каждый рабочий день оплачивался в размере 50 сентаво, а также 25 сентаво в качестве ежедневной надбавки. Помимо этого каждый взрослый работник раз в год получал ткань на одежду для себя и своей семьи, а также медицинскую помощь. Работникам на небольших асьендах платили (50 сентаво) исключительно за проделанную работу по сдельной схеме — как правило, выполнение одного задания рассчитывалось на один рабочий день [10, р. 37]. Одной из самых важных привилегий пеонов было право на возделывание мильпы* на целинных участках земли, принадлежавших владельцу асьенды.

Несмотря на утвердившийся в годы Мексиканской революции стереотип о полурабском, нищенском положении работающих на асьендах пеонов, чему немало «способствовала» журналистская работа Джона Тернера и опубликованная им с октября по декабрь 1909 г. серия статей под названием «Варварская Мексика» [12], впоследствии некоторые специалисты по истории мексиканского пеонажа пришли к выводу о том, что работники асьенд имели определенные преимущества по сравнению со свободными крестьянами в деревнях. Во-первых, землевладелец предоставлял пеонам дом, целинный участок земли для мильпы, а также маис по фиксированно низкой цене [6, р. 113]. По мнению германского исследователя Герберта

* Мильпа (*milpa*) — система выращивания сельскохозяйственных культур, широко применявшаяся в Центральной Америке. Термин происходит от словосочетания *mil-ra* на языке наuatль, что переводится как возделываемое поле. — Прим. ред.

Никеля, пеоны зачастую не только не пытались освободиться от долговой зависимости от владельца асьенды, но были заинтересованы в сохранении опеки со стороны патрона [13, р. 341]. Немаловажным обстоятельством также являлось освобождение пеонов от воинской повинности [14, р. 55]. По мере увеличения спроса на хенекен владельцы асьенд, нуждаясь в дополнительной рабочей силе, начали нанимать на работу свободных жителей деревень, получавших более высокую плату за труд, однако не имевших таких привилегий, как пеоны, работавшие на постоянной основе. На некоторых асьендах, тем не менее, всем работникам, включая жителей деревень, предоставлялось право иметь мильпу на землях, принадлежавших владельцу [6, р. 123]. Однако следует понимать, что и медицинское обеспечение, и минимальные цены на кукурузу, и освобождение от военной службы — все эти меры были направлены исключительно на максимально эффективное использование рабочей силы, обеспечивавшей производство ценного ресурса. Следует также отметить, что сложившийся на Юкатане тип плантационного хозяйствования породил, по мнению многих исследователей, один из самых грубых видов пеонажа (сравнимый с долговым рабством), для которого были характерны жесткие формы эксплуатации, телесные наказания, невыносимые условия труда, запрет на свободное перемещение и т.д. [15, р. 36; 16, р. 50].

Таким образом, возникновение экспортоориентированного сельского хозяйства на юге страны коренным образом изменило социальную структуру и традиционную аграрную систему Юкатана, базирующуюся на производстве зерновых культур. Большая часть сельского населения — как пеоны на асьендах, так и свободные крестьяне, — оказалась вовлечена в массовое производство хенекена. В рамках такой системы, с одной стороны, сохранялась традиционная форма пеонажа со всеми ее анахронизмами, а с другой — поддерживалась определенная социальная стабильность в деревне, что позволяло сельскому населению иметь необходимый прожиточный минимум. Однако именно аграрный вопрос стал основным в политической повестке постреволюционной Мексики.

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЮКАТАНА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

Начавшаяся в Мексике революция поначалу практически не сказалась на положении дел в Юкатане. Между 1910 и 1915 гг. старая экономическая и политическая элита продолжала удерживать рычаги власти, несмотря на новые, постоянно меняющиеся политические обстоятельства [17, р. 24]. Лишь в отдельных населенных пунктах в 1910—1911 гг. организовывались выступления в поддержку революционной политики президента Франсиско Мадеро (1911—1913 гг.). Стоит также отметить характерное для 1905—1910 гг. антиреэлекционистское движение (*movimiento anti-rreeleccionista*) против перевыборности власти, возглавляемое на Юкатане Хосе Пино Суаресом. Однако ничто не представляло реальной угрозы действующей системе власти.

Причины сосуществования, с одной стороны, одной из самых жестких форм эксплуатации индейского населения, а с другой — политической

пассивности последнего до сих пор являются предметом дискуссии. Мексиканский историк и антрополог Франко Саварино характеризует эту ситуацию как «пакт о субординации» [18, р. 43], устанавливающий взаимные права и обязанности, характеризующиеся точным распределением социальных, культурных и политических задач. Эти отношения предполагали определенную степень принятия и кооперации между различными классами для достижения общих целей.

Сложившийся баланс сил был нарушен в 1915 г., когда революция достигла полуострова. Она пришла извне в лице генерала, а затем и губернатора Сальвадора Альварадо, прибывшего в столицу штата г. Мериду в марте 1915 г. В течение полугода после прихода к власти генерал С.Альварадо тщательно изучал особенности региона, чтобы осуществить серию реформ. Основные положения новой революционной политики правительства штата представлены в документе под названием «Письмо к юкатанскому народу» (5 мая 1916 г.). По сути, письмо представляет собой перечень политических инициатив, главные из которых касались создания единой экономической зоны юго-востока (штатов Кампече, Чьяпас, Табаско, Юкатан) и преодоления зависимости экономики Юкатана от производства монокультуры (хенекена) [19, р. 188]. Для утверждения новой политики в регионе был создан специальный комитет, в котором были представлены самые разные слои юкатанского общества, включая землевладельцев, предпринимателей, интеллигенцию и рабочих [17, р. 123]. Таким образом, Альварадо сумел создать широкую политическую коалицию, поддерживавшую новый режим, и старался учесть интересы всех слоев общества, пообещав, в частности, что экспроприация земель не входит в планы правительства.

По ироничному выражению некоторых исследователей, «пока остальная часть республики воевала, Юкатан зарабатывал» [17, р. 28]. Помимо задачи распространения идей революции на полуострове Альварадо должен был обеспечить экономическую поддержку федерального правительства деньгами от экспорта хенекена. Новые власти штата пытались найти компромисс между сохранением объема производства и выполнением Декрета федеральной власти от 6 января 1915 г., согласно которому каждая деревня, нуждающаяся в земельном наделе, имеет право на его получение [20, р. 13].

И если в сфере аграрной политики правительство Альварадо избегало радикальных мер, то в других областях экономики произошли серьезные преобразования. Например, были национализированы многие экономические секторы — хенекеновая промышленность, железные дороги, ткацкие фабрики. Был нанесен удар по монополистам, контролировавшим экспорт волокна, и заметно увеличена роль государства в этом процессе. Для этого был создан специальный орган — Комиссия-регулятор рынка хенекена (*Comisión Reguladora del Mercado de Henequén*), с которой производители этой культуры отныне были вынуждены подписывать договор торговой ассоциации и реализовывать свой продукт исключительно через ее структуры [21, р. 60].

Еще одним изменением стали отмена в 1914 г. долгов пеонов и превращение их в свободных работников с правом получения справедливого воз-

награждения за свой труд [22, р. 3798], а также запрет на содержание домашних слуг и рабов, подписанный 24 апреля 1915 г. [23, р. 1020]. Таким образом, существовавшая система выдачи авансов и кредитов с целью рекрутирования рабочей силы рухнула. Следует подчеркнуть, что эта мера не привела к массовому оттоку рабочей силы из асьенд. Напротив, на 1915—1918 гг. приходится бум производства и экспорта хенекена. Г.Никель полагает, что в связи с тем, что революционное правительство на Юкатане было установлено «сверху», акт освобождения пеонов от рабской зависимости имел, скорее, символическое значение для нового руководства, стремившегося легитимировать обновленную политическую систему, а также ослабить старую политическую и экономическую элиту [13, р. 319]. По воспоминаниям Сантьяго Пачеко Круса — исследователя языка майя начала XX в. и одного из главных пропагандистов революции в Юкатане, — посетившего в июле 1915 г. ряд асьенд, многие бывшие пеоны, несмотря на полученные свободы, предпочитали оставаться на прежнем месте [24, р. 218].

Действительно, работникам асьенд — бывшим пеонам — было трудно отказаться от привычного образа жизни и тех немногих привилегий, которые они имели, в частности, от возможности покупать маис по низкой цене и использовать лесные участки для возделывания мильпы. Постепенный отток рабочих из асьенд стал происходить только, начиная с 1918 г., что было связано со снижением цен на хенекен на мировом рынке и с начинавшимся упадком его производства [6, р. 138]. Тем не менее важность закона об отмене пеонажа состоит в создании новой модели отношений между властью и хозяйствующими субъектами, при которой первая начала выступать в роли посредника и регулятора отношений между землевладельцами и сельскохозяйственными работниками.

Аграрная политика Альварадо может быть хорошо понятна в контексте теории аграризма, уходящей корнями в работы либеральных и позитивистских идеологов XIX в., опиравшихся на идею защиты мелкой частной собственности, считавшейся панацеей в решении аграрной проблемы. В период активного обсуждения реформы в годы революции самые яркие ее представители — Луис Кабрера и Андрес Молина Энрикес — требовали незамедлительной экспроприации крупной частной собственности и создания коллективных хозяйств, а впоследствии — мелкой частной земельной собственности [25, pp. 217-267]. Одним из первых шагов в этом направлении стал уже упомянутый Декрет от 6 января 1915 г., который аннулировал Закон от 25 июня 1856 г. об отчуждении целинных земель и возвращал их прежним владельцам. При этом жители деревень должны были либо доказать, что действительно владели этими участками (предоставить документ о праве на землю — так называемый титуло (*título*), либо, в случае утраты документа, правительство экспроприировало спорный участок для последующей передачи той или иной деревне [20, р. 13].

Однако, несмотря на очевидное влияние, которое оказывали на Альварадо мексиканские пропагандисты аграрной реформы, генерал не спешил перераспределять земли. Во-первых, как уже было сказано выше, разрушение асьенды неминуемо означало бы распад главной отрасли экономики Юкатана — производства хенекена. Во-вторых,

уничтожая традиционные архаические институты, такие, как пеонаж, Альварадо верил в будущее асьенды, представлявшей ему зародышем средней земельной собственности, за которой — будущее штата [26, р. 69]. Губернатор пообещал начать раздачу индивидуальных земельных наделов, а также 10 гектаров эхидальных земель* каждой деревне. В новом аграрном законе штата Юкатан (1915 г.) уточнялось, что земли, используемые как плантации хенекена, будут розданы в последнюю очередь при условии, что обнаружится нехватка невозделываемых земель [27, с. 523]. Правительство Юкатана понимало, что производство таких культур, как хенекен, требовало наличия средней или крупной частной собственности, в то время как, по словам самого Альварадо, «эхидарии только хотят сеять свои крошечные мильпы, не едят ничего, кроме маиса, и ничто не может убедить их производить что-либо полезное для общества в целом» [17, р. 156]. Правительство стремилось сократить крупные асьенды до размера производственного центра, а некультивируемые земли передать в эхидальное пользование. Одной из мер стало убеждение владельцев асьенд на добровольной основе уступать или сдавать в аренду часть своих земельных владений [28, р. 3544].

Стоит отметить, что в целом в этот период процесс перераспределения земель шел крайне медленно: в эхидальное пользование было отдано несколько тысяч гектаров в пользу двенадцати деревень, а также некоторое количество земли в индивидуальное пользование [17, р. 157]. Аграрная политика Альварадо не была направлена на то, чтобы уничтожить асьенду или социальный класс владельцев асьенд и изменить всю аграрную структуру региона в пользу индейских крестьян, трансформировав асьенду в эхидо. Скорее, новое юкатанское правительство стремилось усовершенствовать систему асьенды, покончив с такими архаичными формами, как рабство, модернизировать сельскохозяйственные технологии, а также лишить ее бесполезных, необрабатываемых земель. Согласно этой логике, пеон должен был превратиться в сельского работника, а в последующем — и в мелкого собственника. Таким же собственником, пусть и владеющим большим количеством земель, должен был стать и владелец асьенды. Эта модель может быть сравнима с североамериканской, где основой сельскохозяйственного производства была мелкая собственность.

Следующим шагом в аграрной политике постреволюционной Мексики стало принятие ст. 27 Конституции 5 февраля 1917 г. В ней подтверждалось, что «вся земля и воды, находящиеся в границах национальной территории, принадлежат нации, которая имеет право передавать право владения на них частным лицам, тем самым устанавливая частную собственность» [25, р. 267]. Утверждалось также, что нация всегда будет иметь право диктовать условия, служащие защите общественных интересов и справедливому распределению природных богатств страны, для чего будет проведено дробление крупной земельной собственности с целью развития мелкого землевладения [25, р. 267]. Деревни, ранчо и прочие поселения, испытывавшие нехватку земли или водных ресурсов, получали право на их не-

Эхидо (*ejido*) — форма общинного землевладения.

медленную передачу в собственность. Подтверждались и все действия, связанные с передачей земли, осуществленные согласно Закону от 6 января 1915 г.

Для запуска процесса перераспределения земли изначально определялся максимум, который мог находиться в частной собственности. Излишки же земли должны были быть выставлены на продажу. Выплаты за эти участки бывший землевладелец должен был получать за счет бонусов от специально созданного государством аграрного долга [25, p. 273].

Однако принятие закона не означало его немедленного исполнения. В историографии даже появился особый термин — «романтики аграризма» [29, p. 21], так как за прошедшие после принятия конституции 20 лет аграрная реформа так и не была полностью реализована. Основная причина кроется в нежелании как федерального, так и местного правительства нарушать ритм отлаженного сельскохозяйственного производства, который бы неминуемо замедлился после передела земель. Существовала также опасность того, что дробление крупной земельной собственности приведет к сокращению поступления налогов, о чем в одном из своих выступлений прямо высказался президент Альваро Обрегон (1920—1924 гг.): «Как только мы начнем разрушать крупную земельную собственность с целью создания мелкой, я искренне считаю, что мы совершим великую ошибку, поскольку с принятием закона о максимальном размере земельной собственности правительство потеряет право взимать налог с крупной земельной собственности... что приведет государство к разорению» [30, p. 54].

Государство понимало опасность разрушения крупных латифундий для экономики. 17 апреля 1922 г. был принят закон, согласно которому, земли, используемые для промышленного сельского хозяйства, в частности, плантации кофе, какао, ванили и других культур не подлежали передаче в эхидальное пользование [31, p. 1517].

По расчетам известного специалиста в области аграрной политики Мексики Ф.Танненбаума, к концу 1927 г. по земельному закону было перераспределено лишь 2,5% от общей площади земель и, к тому же, более половины этой земли было мало пригодно для сельского хозяйства [32, p. 89]. Другой важной деталью является то, что право на землю не получили пеоны, работавшие на асьендах, которые составляли на 1921 г. 37,1% всего сельского населения [33, p. 104].

26 августа 1917 г. временно исполняющий обязанности губернатора Юкатана Альваро Торрес Диас подписал циркуляр, согласно которому, при посредничестве местного муниципального правительства будут удовлетворены все требования граждан о предоставлении доступа к участкам земли для ведения сельского хозяйства [6, p. 144]. На практике это означало, что владельцы асьенд были вынуждены предоставлять пригодные для сельского хозяйства земли, взамен получая 5% от ежегодного урожая. Участки земли, как правило, были теми же, которые предоставлялись в аренду жителям деревень и до принятия новой Конституции. Таким образом, «перераспределение» земель на практике означало узаконивание старых отношений арендатор — арендодатель между крестьянами и хозяевами поместий.

Наряду с этим важно отметить, что процесс перераспределения земли в разных штатах Мексики шел по-разному. Например, в штате Морелос 25% сельских жителей получили наделы, следом шли Юкатан (22%) и Кампече (14%) [33, р. 105]. В штате Юкатан темпы аграрной реформы ускорились в период социалистического правительства Фелипе Каррильо Пуэрто (1922—1924 гг.).

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЮКАТАНЕ И РЕШЕНИЕ АГРАРНОГО ВОПРОСА

В годы правления Альварадо Ф. Каррильо Пуэрто был одним из агитаторов нового революционного правительства в деревне и был известен среди юкатанских индейцев пламенными речами и призывами защищать свою землю с оружием в руках. Выросший в небольшом городке Мотуль в центре зоны хенекена, Каррильо Пуэрто с самого детства был погружен в контекст индейского языка и культуры, и, согласно его многочисленным биографам, молодой человек рано начал проявлять интерес к социальному положению индейского населения [34, р. 77]. К примеру, еще не достигнув совершеннолетия, он был впервые заключен под стражу в связи с призывом к индейцам снести ограждение, препятствовавшее проходу к их мильпе [35, р. 13].

Не останавливаясь подробно на биографии Каррильо Пуэрто, следует упомянуть несколько важных пунктов его политической карьеры. Еще в ранний период своей жизни будущий губернатор работал журналистом в оппозиционном издании *Revista de Mérida*, а также был главным редактором *Heraldo de Motul*, в котором освещал злоупотребления владельцев асьенд по отношению к коренному населению [35, р. 14]. В большую политику Каррильо Пуэрто пришел в 1917 г., когда его избрали президентом Социалистической партии Юкатана (*Partido Socialista de Yucatán, PSY*), в 1921 г. переименованную в Социалистическую партию Юго-Востока (*Partido Socialista del Sureste, PSS*). Известно также о непосредственном членстве Каррильо Пуэрто в мексиканской компартии (*Partido Comunista Mexicano, PCM*), которое, впрочем, было недолгим ввиду разногласий, возникших между ним и коммунистическими лидерами по поводу партийной тактики [36, с. 334]. Одной из главных проблем мексиканского социализма было отсутствие единого движения [37, с. 33], что в конечном итоге привело к попыткам построения социализма в отдельно взятых регионах, одним из которых являлся штат Юкатан. Необходимо отметить, что термин «социалист» или «социалистический» в мексиканском политическом дискурсе того времени трактовался крайне широко и применялся к любой политической программе, в центре которой находились те или иные социальные вопросы [38, р. 4; 39, р. 15-40].

6 ноября 1921 г. в Юкатане состоялись выборы губернатора, победу на которых одержал кандидат от *PSY* Ф. Каррильо Пуэрто. Новое социалистическое правительство во многом продолжило основные направления политики революционных правительств предыдущих губернаторов. Сам Каррильо Пуэрто накануне выборов в интервью газете *El Popular* обозначил два приоритетных направления в аграрной сфере,

созвучных политике правительства Альварадо: преодоление зависимости Юкатана от выращивания хенекена и немедленное наделение крестьян землей [40, р. 6].

По Закону от 6 января 1915 г. устанавливались два пути, по которому деревня могла получить землю, — реституция или дотация [20, р. 13]. Так как в большинстве деревенских общин Юкатана не сохранилось надлежащего документа, который бы доказывал их права на земли, правительство Каррильо Пуэрто пошло по пути дотации. Для этого была экспроприирована часть обрабатываемых и необрабатываемых земель, находившихся в частной собственности асьенд [6, р. 152]. Так, в декабре 1921 г. жителям деревни Чолуль было передано 1 818 га земель, принадлежавшей асьенде Каанан, 41 га — из асьенды Сан-Антонио-Цалькаль, 150 га необрабатываемой и 203 обрабатываемой земли из асьенды Сан-Педро, а также земли, принадлежавшие другим асьендам [41, р. 1635]. При этом в резолюции указывается, что экспроприации принадлежат только 1 818 га, и их владельцы должны получить компенсацию, предусмотренную законом [41, р. 1636]. В течение 1922—1924 гг. около 23 тыс. жителей деревень получили наделы общей площадью 438 000 га [17, р. 273]. Появляется такое понятие как «аграрные четверги»: каждый четверг объявлялся список деревень, получавших земельные наделы, и организовывалась их торжественная передача при участии губернатора. Предполагалось, что каждый крестьянин должен получить приблизительно 24 га, что позволяло производить ротацию участка после двух лет его использования. Однако на практике этот критерий выдерживался не всегда.

Как уже было упомянуто, согласно Конституции 1917 г. правом на получение эхидальных земель пользовались только деревни (*pueblos*). Серией декретов 1922 и 1923 гг. практически все населенные пункты Юкатана, за исключением столицы штата Мерида, получили этот статус и право на землю [42, pp. 1-4]. Для ускорения процесса перераспределения земель правительство Каррильо Пуэрто вместо того, чтобы ожидать прошений со стороны деревень на рассмотрение земельного вопроса (как это было прежде), само инициировало разметку и локализацию эхидальных наделов, что в большинстве случаев занимало не более одного дня. Стратегия губернатора основывалась на том, чтобы избежать привлечения федеральной бюрократии в вопросе распределения земли в регионе. Однако, как уже было упомянуто выше, федеральное правительство указом президента А.Обрегона объявило неприкосновенными земли, используемые для выращивания производственных культур. В течение 1922—1923 гг. Верховный суд признал незаконными передачи многих земель асьенд в пользу эхидо [17, с. 278].

Безусловно, радикальный характер аграрной политики правительства Каррильо Пуэрто вызвал волну возмущений и протесов со стороны собственников земли. Большинство жалоб основывалось на том, что после передачи участков в пользование деревенским общинам асьенда теряла лесные ресурсы, необходимые для функционирования машин, производящих волокна хенекена. Деревни также обвинялись в использовании земельных наделов не для выращивания необходимых сельскохозяйственных культур, а для производства угля с целью его

дальнейшей продажи [43, р. 10]. Тем не менее в большинстве случаев жалобы отклонялись, и решение выносилось в пользу деревень; требования о возврате эхидальных земель признавались необоснованными [43, р. 13]. Помимо открытых жалоб землевладельцы также пытались уладить вопрос перераспределения земли с помощью взяток делегатам Национального аграрного комитета [17, р. 289].

Препятствия для передачи эхидальных земель деревням чинили бывшие пеоны, проживавшие на асьендах, которые не могли претендовать на земельные участки. Пеоны десятилетиями пользовались целыми землями, принадлежавшими хозяину асьенды, а в новой реальности эти земли переходили в пользование деревень, что во многих случаях провоцировало вооруженное столкновение между пеонами и новыми эхидариями [6, р. 160].

Одним из результатов аграрной политики Каррильо Пуэрто стало то, что крестьяне были вынуждены оставлять свои привычные участки, которые они обрабатывали на правах ренты или просто занимали, и перемещаться в зоны, указанные в предписаниях местного аграрного комитета. Это также провоцировало конфликты в деревне. Немало жалоб юкатанских крестьян, получивших эхидальные земли, были направлены против землемеров, проводивших размежевание новых наделов. Многие крестьяне просили оставить им те участки, которые они обрабатывали прежде [44, р. 1]. Имели место и случаи, когда жители деревень, узнав о распределении наделов, незаконно занимали их сами [6, р. 164]. Все эти конфликты разрешались исключительно местным аграрным комитетом, минуя муниципальные власти, что окончательно вывело аграрную политику в регионе из-под зависимости от местной экономической и политической элиты.

Следующим шагом в аграрной политике Каррильо Пуэрто должна была стать постепенная передача асьенд в эхидальное пользование, что являлось попыткой социализации плантаций и коллективизации производства. По сути, это было реализацией проекта «революции снизу» и возрождения «майяской расы», о котором Каррильо Пуэрто никогда не забывал, и на осуществление которого были направлены и другие социальные и культурные проекты [45, pp. 25-27]. В связи с этим следует выделить две законодательных инициативы, представленных правительством Каррильо Пуэрто в ноябре 1923 г. Речь шла о передаче асьенд по производству хенекена во владение и управление сельских рабочих. Первая версия текста этого декрета была издана 28 ноября 1923 г. и называлась «Закон о захвате и экспроприации заброшенных асьенд» (*Decreto de las haciendas abandonadas que podrán ser incautadas y expropiadas...*) [14, pp. 59-63]. Земли заброшенных асьенд передавались в постоянное владение ассоциации крестьянских рабочих, а сама асьенда не делилась на наделы, а передавалась полностью в коллективную собственность [14, р. 60]. Стоимость асьенды покрывалась ежегодными выплатами, которые не должны были превышать 50% годового дохода асьенды (уточнялось, что в случае нулевого дохода выплаты не производились) [14, р. 61].

Логика этого решения состояла в том, что, во-первых, общемировой экономический спад, произошедший после Первой мировой войны, привел к опустошению многих асьенд. Во-вторых, это наносило удар по тем зем-

левладельцам, которые не хотели сотрудничать с социалистическим правительством Каррильо Пуэрто и вновь созданной Экспортной комиссией Юкатана, контролирующей экспорт хенекена, и потому искусственно замедляли темпы производства продукции. Это, согласно тексту закона, противоречило основным идеям социальной этики, следуя которой, неиспользуемые земли, не приносящие дохода государству, должны быть переданы тем, кто будет их использовать для выращивания сельскохозяйственных культур или выпаса скота [14, р. 60].

Другой законодательной инициативой стало предложение Экспортной комиссии о передаче 25% всех доходов от реализации хенекена сельским рабочим с целью интенсификации его культивирования и развития сельскохозяйственных кооперативов [14, р. 62]. В отличие от предыдущего декрета это предложение не носило характера радикального социалистического поворота в политике региона и было вполне в духе политики федеральных властей, использующих корпоративизм как инструмент инкорпорации рабочих в широкие рамки капитализма.

В официальной консервативной мексиканской прессе социалистический эксперимент в Юкатане вызывал немало критики. Самого Ф.Каррильо Пуэрто обвиняли в большевизме [46, р. 3], а его экономическую политику, основанную на идеях социализма, называли главной причиной разрухи на Юкатане и во всей хенекеновой промышленности [47, р. 3]. Пусть не напрямую, но основные тезисы нового закона отсылали к главной идеологической линии мексиканской компартии, касающейся аграрного вопроса, а именно — к коллективизации крупной земельной собственности [38, р. 359]. Существует мнение, что именно этот декрет стоил Каррильо Пуэрто не только поста губернатора, но и жизни [48, р. 74; 49, р. 199]. Он был расстрелян вследствие политического заговора 3 января 1924 г., что было яркой демонстрацией преследования любых форм радикального аграризма со стороны федеральной власти. Похожим образом закончилась история мичоаканского и веракрусанского радикального аграрного движения 1920-х годов под руководством Примо Тапии и Урсуло Гальвана. Федеральная власть стремилась монополизировать реформаторские функции и не допускала автономии крестьянских движений [7, р. 13].

В годы Мексиканской революции в Юкатане, в силу его географической изолированности, а также особенностей социально-экономического уклада, не произошло сколько-нибудь значительных изменений в аграрной политике и жизни индейских крестьян, основным занятием которых была работа на асьендах и производство хенекена. В этот период в Юкатане не существовало острого запроса со стороны сельского населения на землю. Аграрная система, базировавшаяся на существовании латифундий, была приспособлена к удовлетворению основных нужд крестьян — обеспечению маисом по низкой цене, предоставлению целинных земель для посева, дома, элементарного медицинского обслуживания. Тем не менее тяжелые условия работы, а также сохранение таких колониальных пережитков, как пеонаж, в годы Мексиканской революции стали предметом острого соци-

ального недовольства и критики, что повлекло за собой определенные политические шаги со стороны правительства — отмену пеонажа, передачу наделов земли в личное пользование, а также перераспределение земли в пользу эхидо. Стремясь сохранить прежние темпы экономического развития региона, напрямую зависящие от производства хенекена, революционное юкатанское правительство не решалось начинать передел земель асьенд, используемых для производства экспортоориентированной продукции. В 1917—1919 гг. решением земельного вопроса стало предоставление деревням права аренды целинных участков земли, принадлежавших владельцам асьенд, что предполагало оплату в виде процента от урожая. В период правления Каррильо Пуэрто ускорились темпы перераспределения земель в пользу деревень. Однако этот процесс вызвал серию острых конфликтов, в том числе и среди сельского населения, так как некоторые категории крестьян (бывшие пеоны, проживающие на асьендах) оказались исключены из процесса земельного передела.

По мнению многих свидетелей той эпохи несмотря на то, что значительная часть земель была отдана в эхидальные хозяйства, жизнь большей части сельского населения продолжала зависеть от работы на асьенде [50, p. 105]. Агроном Луис Родригес в своем докладе в 1926 г. свидетельствует, что «деревни находятся практически в тех же условиях, что и до перераспределения земли, и сельские жители продолжают наниматься в качестве работников на соседние асьенды, поскольку культивирование маиса в зоне хенекена имеет такую низкую производительность, что делается скорее по привычке, чем как средство выживания» [6, p. 168]. Можно предположить, что основной социальный запрос в эти годы был связан не с передачей земельных наделов, а с увеличением зарплаты на асьендах, так как, по сути, юкатанская деревня к этому времени уже была индустриализирована. Если говорить о проблеме интегрированности сельского индейского населения в экономическое пространство страны, то следует подчеркнуть, что, начиная с последней четверти XIX в. и до мирового кризиса 1929 г., эта интеграция была связана с вовлечением крестьянства в производство хенекена, которое, в свою очередь, было сопряжено с установлением жесткого режима эксплуатации. Положение индейских крестьян в Юкатане радикально изменили два события: экономический кризис 1929 г., вызвавший резкое падение цен на фибру — главный экспортный товар региона, и аграрная реформа президента Ласаро Карденаса (1934—1940 гг.), навсегда упразднившая асьенду как центр экономической и социокультурной жизни деревни. По существу, были уничтожены посредники между государством и сельским населением, которыми на протяжении многих столетий являлись владельцы асьенд. Вместо этого была сформирована целая сеть государственных структур, через которые власть могла принимать решения от имени крестьян. Созданные под руководством федерального правительства эхидо стали неотъемлемой частью национальной аграрной системы Мексики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Tannenbaum F. The Mexican Agrarian Revolution. The Macmillan Company, New York, 1930, 543 p.

2. McBride G. Los sistemas de propiedad rural en México. *Problemas Agrícolas e Industriales de México*, 1951, N 3, pp. 11-114.
3. Womack J. Zapata y la revolución mexicana. México, Siglo XXI, 1969, 443 p.
4. Brading A. La política nacional y la tradición populista. *Caudillos y campesinos en la revolución mexicana*. México, FCE, 1985, pp. 13-31.
5. Guerra Xavier F. México: del Antiguo Régimen a la Revolución. México, FCE, 1991, 547 p.
6. Ortiz Yam I. De milperos a henequeneros en Yucatán, 1870-1937. México, El Colegio de México, 2013, 226 p.
7. Reynoso Jaime I. El agrarismo radical en México: una biografía política de Úrsulo Galván, Primo Tapia y José Guadalupe Rodríguez. México: Universidad Autónoma del Estado de Morelos, Centro de Investigación en Ciencias Sociales y Estudios Regionales, Instituto Nacional de Estudios Históricos de las Revoluciones en México, 2020, 126 p.
8. Knight A. La revolución cósmica. Utopías, regiones y resultados. México 1910-1940. México, FCE, 2015, 196 p.
9. Косиченко И.Н. Государственные проекты индейцев майя во время войны каст на Юкатане: 1847-1901 гг. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение*. М., 2018, № 2 (12), сс. 53-62. [Kosichenko I.N. Gosudarstvennye proekty indeitsev maya vo vremia voiny kast na Yucatanе: 1847-1901 gg. [State projects of the maya in Caste War in Yucatan (1847-1901)]. *Vestnik RGGU. Seria Politologiya, Istoria, Mezhdunarodnye otnoshenia. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*. Moscow, 2018, N 2, pp. 53-62. (In Russ.).
10. Kaerger K. Agricultura y colonización en México en 1900. México, Universidad Autónoma Chapingo, 1986, 349 p.
11. Bracamonte y Sosa P. Amos y sirvientes. Las haciendas de Yucatán, 1789-1860. Mérida, Universidad Autónoma de Yucatán, 1993, 253 p.
12. Turner J. México bárbaro. México, Editorial Porrúa, 2018, 296 p.
13. Nickel H. Las deudas de los sirvientes en las haciendas henequeneras de Yucatán. Datos empíricos, constructos y su uso instrumental. *Jahrbuch für Geschichte Lateinamerikas - Anuario de Historia de America Latina*. Böhlau Verlag, Köln – Weimar – Wien, 1996, vol. 33, N 1, pp. 313-361.
14. Oroza Díaz J. Legislación henequenera en Yucatán (1833-1955). Vol. IV, Mérida, Universidad de Yucatán, 1961, 325 p.
15. Bauer A.J. Rural Workers in Spanish America: Problems of Peonage and Oppression. *The Hispanic American Historical Review*, 1979, vol. 59, N 1, pp. 34-63.
16. Knight A. Mexican Peonage: What Was It and Why Was It? *Journal of Latin American Studies*, 1986, vol.18, N 1, pp. 41-74.
17. Joseph G. M. Revolución desde afuera. Yucatán, México y los Estados Unidos, 1880-1924. México, FCE, 1992, 381 p.
18. Savarino F. Etnicidad y jerarquía: la formación histórica de la sociedad poliétnica en Yucatán. *Dimensión antropológica*, 1999, vol. 17, pp. 37-65.
19. Carta al Pueblo de Yucatán. *Salvador Alvarado: pensamiento revolucionario*. Mérida, ISSTEY, 1980, pp. 183-233.
20. Ley agraria del 6 de enero de 1915. Available at: http://www.pa.gob.mx/publica/rev_58/analisis/ley%20agraria%20del%206%20de%20enero%20de%201915.pdf (accessed 1.05.2022).
21. Carey J. The Mexican Revolution in Yucatan, 1915-1924. Boudler, Westview press, 1984, 251 p.
22. Diario oficial del Estado de Yucatán, 12 de septiembre de 1914.
23. Diario oficial del Estado de Yucatán, 26 de abril de 1915.
24. Pacheco Cruz S. Recuerdos de la propaganda constitucionalista en Yucatán. Mérida, Zamna, 1953, 493 p.

25. Rouaix P. Génesis de los artículos 27 y 123. Constitución Política de 1917. México, Secretaría de Cultura, Instituto Nacional de Estudios históricos de las Revoluciones de México, 2016, 400 p.
26. Alvarado S. Actuación revolucionaria del general Salvador Alvarado en Yucatán. México, Costa Amic, 1965, 142 p.
27. Gamboa A.G. Yucatán desde 1910. Vol. II. México, 1955, pp. 241-645.
28. Diario oficial del Estado de Yucatán, 27 de septiembre de 1915.
29. Mesa Andraca M. El problema agrario en México. *Problemas agrícolas e industriales en México*. 1946, t.1, pp. 3-48.
30. Simpson E. El ejido: única salida para México. *Problemas agrícolas e industriales en México*. 1952, N 4, 349 p.
31. Diario oficial del Estado de Yucatán, 18 de abril de 1922.
32. Tannenbaum F. La revolución agraria mexicana. *Revista de la Universidad de México*. 2002, N 612, pp. 87-91.
33. Tannenbaum F. La revolución agraria mexicana. *Problemas agrícolas e industriales en México*. 1952, t. 2, vol.4, pp. 9-169.
34. Paoli F., Montalvo E. Socialismo olvidado de Yucatán: elementos para una reinterpretación de la Revolución Mexicana. México, Siglo Veintiuno, 1977, 232 p.
35. Morena Acevedo J. Redescubriendo a Felipe Carrillo Puerto ¿Apóstol de los mayas, ideólogo del socialismo yucateco, intelectual no reconocido? *Revista de la Universidad Autónoma de Yucatán*. México, 2015, N233, pp. 10-25.
36. Хейфец В.Л. Коминтерн и Мексика на начальном этапе отношений, 1919-1921 гг. *Латиноамериканский исторический альманах*. М., 2017, № 18, сс. 329-340. [Jeifets V.L. Komintern i Meksika na nachalnom etape otnosheniy, 1919-1921 gg. [The origins of the Comintern's relations with Mexico, 1919-1921]. *Latinoamericanskiy istoricheskiy almanaj*, Moscow, 2017, N 18, pp. 329-340 (In Russ.).
37. Соколов А.А. Рабочее движение Мексики (1917-1929 гг.). М., Изд-во Московского ун-та, 1978, 263 с. [Sokolov A.A. Rabochee dvizhenie Meksiki (1917-1929 gg) [The Mexican Labor Movement: 1917-1929]. Moscow, Editorial of Moscow University, 1978, 263 p. (In Russ.).
38. Reynoso Jaime I. Machetes rojos: el Partido Comunista de México y el agrarismo radical (1919 – 1929), México, Universidad Autónoma del Estado de Morelos, Centro de Investigación en Ciencias Sociales y Estudios Regionales, 2018, 452 p.
39. Jeifets V., Jaime I.R. From United Front to Class against Class: Communistas and Agrarians in Postrevolutionary Mexico, 1919-1930. *Izquierdas*, 2014, Santiago, N19, PP.15-40.
40. *El Popular*, 18.02.1922.
41. Diario Oficial del Estado de Yucatán, 09.12.1921.
42. Diario oficial del Estado de Yucatán, 22.12.1922.
43. Diario Oficial del Estado de Yucatán, 28.02.1930.
44. AGEY, Fondo: Poder Ejecutivo, Serie: Gobernación, 1922, caja 756, exp. «Habitantes de San Francisco Tzon denuncian la presencia».
45. *Tierra*, 01.05.1923.
46. *El Informador*, 23.02.1922.
47. *El Informador*, 18.12.1922.
48. Sierra Villarreal J.L. La Revolución en Yucatán (1897-1925). La historia negada. Mérida, Dante, 2018, 352p.
49. Castro Martínez P. Felipe Carrillo Puerto: la muerte del Dragón de los Ojos Verdes. *Iztapalapa: Revista de Ciencias Sociales y Humanidades*. 2014, N 76, pp. 189-208.
50. Molina Font G. La tragedia de Yucatán. *Revista de Derecho y Ciencias Sociales*. México, 1941, 220 p.

Tatiana S. Molodchikova (tatiana20emr@gmail.com)

Candidate of historical sciences, research scientist at Centre of Mesoamerican Studies “Yuri Knorosov”, Faculty of History, Russian State University of Humanities

Miusskaya sq, 6, 124047 Moscow, Russian Federation

The Socialist Revolution in Yucatán and the resolution of the agrarian issue the 1910s and 1920s

Abstract. One of the central themes of the Mexican Revolution (1910-1917) was an agrarian question. The request for the restitution of land and the return of ground parcel to the indigenous peasants reflected ideas of social justice. The state of Yucatan, located on the self-tilted peninsula in southeastern Mexico, was a region characterized by the presence of enormous plantations and the difficult working conditions of the indigenous population. However, in Yucatan, social tensions did not turn into the revolutionary movement, and revolutionary ideas were introduced from outside, since coming to power of Salvador Alvarado.

This article will consider the main directions of the agrarian policy of the revolutionary governments in Yucatan, primarily reflected in the legislative work of the governors of Salvador Alvarado (1915-1917) and Felipe Carrillo Puerto (1922-1924), as well as the reaction of indigenous population to this policy.

As a result of research, has been demonstrated that the agrarian policy of the 20s. generally did not affect the economic structure of Yucatan. Henequen plantations did not fall into the category of land for redistribution, the land-owners retained their economic and political influence, and the production of henequen until the end of the 20s continued to be the main economic activity for most of the rural population.

Key words: Mexican Revolution, agrarian reform, indigenous population of Yucatan, hacienda.

DOI: 10.31857/S0044748X0020223-4

Received 19.01.2022.